
Вл. Соловьевъ
О причинахъ
упадка
средневѣковаго
міросозерцанія
Москва 1892 года.

РЕФЕРАТЪ В.С. СОЛОВЬЕВА ВЪ ЗАСѢДАНІИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА 19-го ОКТЯБРЯ 1891 г.

Московскаго Губернскаго
БИБЛІОТЕКА
Министерства Народнаго Просвѣщенія

О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА СРЕДНЕВѢКОВОГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

Средневѣковымъ міросозерцаніемъ я называю для краткости исторический компромиссъ между христіанствомъ и язычествомъ, тотъ двойственный полуязыческій и полухристіанскій строй понятій и жизни, который сложился и господствовалъ въ средніе вѣка какъ на романо-германскомъ Западѣ, такъ и на византійскомъ Востокѣ.

Обыкновенно и противники, и защитники средневѣковаго міросозерцанія одинаково принимаютъ его за само христіанство или во всякомъ случаѣ признаютъ между ними такую неразрывную связь какъ между содержаніемъ и соотвѣтствующей ему формой. Я нахожу полезнымъ и важнымъ выяснить, что христіанство и средневѣковое міросозерцаніе не только не одно и то же, но что между ними есть прямая противоположность. Этимъ самымъ выяснится и то, что причины упадка средневѣковаго міросозерцанія заключаются не въ христіанствѣ, а въ его извращеніи, и что этотъ упадокъ для истиннаго христіанства нисколько не страшенъ.

Сущность истиннаго христіанства есть перерожденіе человѣчества и міра въ духѣ Христовомъ, превращеніе мірского царства въ Царство Божіе (которое не отъ міра сего). Это перерожденіе есть сложный и долгій процессъ,- не даромъ оно въ самомъ Евангеліи сравнивается съ ростомъ дерева, созрѣваніемъ жатвы, вскисаніемъ тѣста и т.п. Но, разумѣется, христіанское перерожденіе человѣчества не можетъ быть только естественнымъ процессомъ, не можетъ совершаться само собою, путемъ безсознательныхъ движеній и перемѣнъ. Это перерожденіе есть прежде духовный ("истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится

водою и духомъ, не можетъ войти въ Царствіе Божіе"), въ немъ должно непремѣнно участвовать само человѣчество своими собственными силами и своимъ сознаніемъ. Существенное и коренное отличіе вашей религіи отъ другихъ, восточныхъ, въ особенности отъ мусульманской, состоитъ въ томъ, что христіанство, какъ религія богочеловѣческая, предполагаетъ дѣйствіе Божіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ и дѣйствія человѣческаго. Съ этой стороны осуществленіе самаго Царства Божія зависитъ не только отъ Бога, но и отъ насъ, ибо ясно, что духовное перерожденіе человѣчества не можетъ произойти помимо самого человѣчества, не можетъ быть только внѣшнимъ фактомъ; оно есть ДѢЛО, на насъ возложенное, ЗАДАЧА, которую мы должны разрѣшать. Не менѣе ясно и то, что ЗА РАЗЪ, ОДНИМЪ АКТОМЪ эту задачу не только разрѣшить, но и сознать во всемъ ея значеніи невозможно. Обращеніе и перерожденіе даже единичнаго человѣка вдругъ не совершается. Возьмемъ личныхъ учениковъ Христа. Если кто, то они имѣли всѣ удобства для полнаго и быстраго духовнаго возрожденія. И, однако, во всю земную жизнь Спасителя и потомъ до самой Пятидесятницы мы такого возрожденія не замѣчаемъ. Они остаются такими, какими были. Явленіе Христа поразило ихъ. Его духовная сила привлекла ихъ и привязала къ Нему, но не переродила. Они вѣрили въ Него, какъ въ фактъ высшаго порядка, и ждали отъ Него установленія Царства Божія ТАКЖЕ, КАКЪ ВНѢШНЯГО ФАКТА. И именно на нихъ, на этихъ избранникахъ, на этой соли земли мы лучше всего можемъ видѣть, какъ мало значитъ такая вѣра въ Божественное, какъ во внѣшній сверхъестественный фактъ. Не случайно, конечно, въ знаменитой 16-той главѣ Матеея поставлены рядомъ: величайшая похвала Петру за его горячее исповѣданіе правой вѣры, и затѣмъ такое обращеніе къ тому же Петру: "Отойди отъ меня, сатана; соблазнъ ты мнѣ, потому что мыслишь не по божески, а по человѣчески". Значитъ, можно имѣть самую ревностную, самую пламенную и самую православную вѣру, и однако же не имѣть Духа Божія и уподобляться сатанѣ, какъ въ другомъ мѣстѣ Новаго Завѣта говорится: и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ. И чѣмъ съ большею ревностью и прямолинейностью проявляется внѣшнимъ образомъ такая вѣра, тѣмъ она не только противнѣе духу Христову, но тѣмъ менѣе въ ней самой внутренней

мощи и прочности. Не напрасно опять таки разсказано въ Евангеліяхъ, какъ тотъ же ревностный ученикъ Христовъ отрубилъ ухо слугѣ первосвященника для защиты своего Учителя, а затѣмъ въ ту же ночь три раза отрекся отъ Него. Приписывать эту несостоятельность вѣры Петровой его особенному характеру – это все равно, что вину псевдохристіанскаго фанатизма и насильничества сваливать, какъ это у насъ принято, на одну западную католическую церковь, для которой апостолъ Петръ признается спеціальнымъ прототипомъ. Но въ Евангеліи нѣчто подобное разсказывается и о любимомъ ученикѣ Христовомъ – собъ Іоаннѣ, этомъ прототипѣ, какъ иные думаютъ, нашего восточнаго Православія.

"Заговорилъ Іоаннъ и сказалъ: Наставникъ! Мы видѣли какого-то человѣка, именемъ Твоимъ изгоняющаго бѣсовъ, и запретили ему, потому что онъ не слѣдуетъ за нами. И сказалъ ему Іисусъ: Не запрещайте; ибо кто не противъ насъ, тотъ за насъ".

"И было, что исполнились дни взятія Его (отъ земли), и Онъ уставилъ лице Свое идти въ Іерусалимъ; и послалъ вѣстниковъ передъ лицемъ Своимъ. И, идя, вошли въ село Самарянское, чтобы приготовить Ему. И не приняли Его (тамъ), потому что лице Его было какъ у идущаго въ Іерусалимъ. Видя же (это), ученики Его Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи, хочешь, скажемъ, чтобъ огонь сшелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ? -Обернувшись же, запретилъ имъ и сказалъ: Не знаете, какого вы духа; ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, но спасать. -И пошли въ другое село". (Луки IX, 49-56).

Если главное дѣло въ вѣрѣ, то ужъ на что, кажется, сильнѣе вѣры, когда сей часъ же безъ малѣйшаго сомнѣнія готовы огонь съ неба низводить; и, однако, при такой великой, повидимому, вѣрѣ Іаковъ и Іоаннъ не знали духа Христова, и именно потому не знали, что вѣрили болѣе всего въ Его внѣшнюю чудодѣйственную силу. Эта сила была, но не въ ней было дѣло.

11.

Только послѣ внѣшней разлуки духъ Христовъ внутренно ов-

ладѣлъ апостолами и переродилъ ихъ. Такъ же овладѣлъ онъ и тою первою общиною вѣрующихъ въ Іерусалимѣ, у которыхъ, по словамъ Дѣяній Апостольскихъ, было одно сердце и одна душа. Но церковь въ обширномъ смыслѣ, христіанское человѣчество во всемъ своемъ объемѣ до сихъ поръ еще не дожило до своей пятидесятницы; оно такъ же внѣшнимъ образомъ относится ко Христу, какъ относились апостолы во время Его земного житія, оно также еще не научилось мыслить по-божьи, также не знаетъ, какого онъ духа. Чѣмъ шире распространялась проповѣдь о новомъ духовномъ Адамѣ по языческому міру, тѣмъ болѣе сопротивленія и упругости оказывалъ ветхій плотскій Адамъ. Уже въ Апостольскихъ Посланіяхъ къ различнымъ церквамъ рѣшительно преобладаетъ ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ характеръ, уже въ этихъ первыхъ христіанскихъ общинахъ рядомъ съ особыми духовными дарами появляются и особыя безобразія (см. Посл. ап. Павла къ Коринеянамъ).

Давнишнее и весьма распространенное представленіе объ эпохѣ до Константина Великаго, какъ о времени идеальной чистоты, какъ о золотомъ вѣкѣ христіанства, можетъ быть допущено лишь съ большими ограниченіями. Разница, конечно, была, но полной противоположности не было между послѣдующими вѣками и тѣми первыми. Вообще и въ то время большинство христіанъ относилось къ Царствію Божію внѣшнимъ образомъ, ожидало его пришествія, какъ внѣшней чудодѣйственной катастрофы, которая должна разразиться не сегодня, такъ завтра. Но не смотря на грубость такого взгляда, самая эта предполагаемая близость конца міра, съ одной стороны, а съ другой - еще болѣе близкая возможность мученичества поддерживали тогдашнихъ христіанъ на извѣстной духовной высотѣ и не позволяли практическому матеріализму брать верхъ. Конечно, гоненія не были явленіемъ обычнымъ, повсемѣстнымъ и повседневнымъ. Безусловно всеобщихъ гоненій,- во всей Римской имперіи,- не бывало вовсе; гоненія обширныя продолжались очень короткое время, большинство же гоненій имѣло мѣстный и случайный характеръ. Но такъ какъ были римскіе законы, въ силу которыхъ можно было преслѣдовать христіанство въ качествѣ уголовнаго и государственнаго преступленія, то ВОЗМОЖНОСТЬ мученичества всегда и вездѣ висѣла надъ христіанствомъ и придавала очищающій, трагическій характеръ ихъ жизни. Важное преи

мущество тѣхъ вѣковъ передъ послѣдующими состояло въ томъ, что христіане могли быть и бывали гонимыми, но ни въ какомъ случаѣ не могли быть гонителями. Вообще же принадлежать къ новой религіи было гораздо болѣе опасно, чѣмъ выгодно, и потому къ ней обращались обыкновенно лучшіе люди, съ искреннимъ убѣжденіемъ и одушевленіемъ. Жизнь тогдашней церкви если и не была вполнѣ проникнута духомъ Христовымъ, то во всякомъ случаѣ высшіе религіозно-нравственные мотивы въ ней преобладали. Было среди языческаго міра дѣйствительно христіанское общество, далеко не совершенное, но все-таки управляемое другимъ, лучшимъ началомъ жизни.

Съ этой стороны прекращеніе гоненій и оффиціальное признаніе новой религіи сначала полноправною, а потомъ и господствующею произвело въ самомъ дѣлѣ важную перемѣну къ худшему. При Константинѣ Великомъ и при Констанціи къ христіанству примазались языческія массы не по убѣжденію, а по рабскому подражанію или корыстному разсчету. Явился неизвѣдомый прежде типъ христіанъ притворныхъ, лицемѣровъ. Онъ еще болѣе размножился, когда при Ѳеодосіи, а окончательно при Юстиніанѣ язычество было запрещено закономъ и, кромѣ разбросанной горсти полутерпимыхъ евреевъ, всякій подданный греко-римской имперіи принудительно обязывался быть христіаниномъ, подъ страхомъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній. Разумѣется, между образовавшимся такимъ образомъ типомъ христіанъ поневолѣ, изъ-подъ палки и оставшимся типомъ настоящихъ христіанъ по глубокому убѣжденію – образовалось множество переходныхъ оттѣнковъ поверхностнаго и равнодушнаго христіанства. Но все это безъ всякаго различія было прикрыто общею организаціею внѣшней церкви, въ которой всѣ категоріи внутренняго достоинства стерлись и смѣшались. Прежде дѣйствительно-христіанское общество расплылось и растворилось въ христіанской по имени, а не дѣлѣ – языческой громадѣ. Преобладающее большинство поверхностныхъ, равнодушныхъ и притворныхъ христіанъ не только фактически сохранили языческія начала жизни подъ христіанскимъ именемъ, но всячески старались, частію инстинктивно, а частію и сознательно – утвердить рядомъ съ хри-

стіанствомъ, узаконить и увѣковѣчить старый языческій порядокъ, принципіально исключая задачу его внутренняго обновленія въ духѣ Христовомъ. Тутъ-то и положена была первая основа того христіанско-языческаго компромисса, который опредѣлилъ собою средневѣковое міросозерцаніе и жизнь.

111.

Я не говорю о ФАКТИЧЕСКОМЪ компромиссѣ между абсолютною истиною и нашею дѣйствительностью. Вся наша жизнь прошедшая, настоящая и будущая до конца исторіи есть въ каждомъ своемъ данномъ состояніи фактическій компромиссъ между осуществляющимся въ мірѣ высшемъ идеальномъ началомъ и тою матеріальною, несоотвѣтствующею ему средою, въ которой оно осуществляется. Когда осуществится вполнѣ, тогда конецъ всякому компромиссу, но тогда же и конецъ исторіи и всему міровому процессу. Пока есть какое-нибудь несовершенство въ мірѣ, есть, значитъ, и компромиссъ противоборствующихъ началъ, ибо что такое несовершенство, какъ не фактическая УСТУПКА высшаго начала низшему? Истинное совершенствованіе требуетъ только, чтобы такія уступки были все меньше и поверхностнѣе, чтобы идеальное начало все глубже проникало въ противодѣйствующую ему среду и все полнѣе овладѣвало ею.

Если есть борьба и побѣда, усиліе и улучшеніе, если абсолютный идеалъ не отрицается и не забывается, если онъ остается внутреннимъ одушевляющимъ началомъ и окончательною цѣлью дѣятельности, то фактическій компромиссъ съ реальною средой есть только внѣшняя необходимость, а не внутренняя ложь. Здѣсь нѣтъ двоевѣрія. Считаться съ дурною дѣйствительностью, какъ съ фактомъ, не значитъ въ нее вѣрить; временно уступать ей въ маломъ, чтобы окончательно упразднить ее въ большомъ, не значитъ поклоняться ей. Лѣченіе болѣзней есть также, пожалуй, компромиссъ, его и порицаютъ прямолинейные моралисты, но Христосъ освятилъ его своимъ примѣромъ.

Но когда языческій міръ принялъ христіанство, дѣло шло не о фактическомъ компромиссѣ, который былъ и безъ того, а о принципіальномъ. Большинство новообращенныхъ хотѣли,

чтобы все оставалось по старому. Они признали и истину христіанства, какъ внѣшняго факта, и вошли съ нимъ въ нѣкоторыя внѣшнія формальныя отношенія, но лишь съ тѣмъ, чтобы ихъ жизнь оставалась по прежнему языческою, чтобы мірское царство оставалось мірскимъ, а царство Божіе, будучи не отъ міра сего, оставалось бы и внѣ міра, безъ всякаго жизненнаго вліянія на него, т.е. оставалось бы какъ безполезное украшеніе, какъ простой придатокъ къ мірскому царству. Но Христосъ приходилъ въ міръ не для того, конечно, чтобы обогатить мірскую жизнь нѣсколькими новыми церемоніями, а для того, чтобы спасти міръ. Своею смертью и воскресеніемъ Онъ спасъ міръ въ принципѣ, въ корнѣ, въ центрѣ, а распространить это спасеніе на весь кругъ человѣческой и мірской жизни, осуществить начало спасенія во всей нашей дѣйствительности – это Онъ можетъ сдѣлать уже не одинъ, а лишь вмѣстѣ съ самимъ человѣчествомъ, ибо насильно и безъ своего вѣдома и согласія никто дѣйствительно спасенъ быть не можетъ. Но истинное спасеніе есть перерожденіе, или новое рожденіе, а новое рожденіе предполагаетъ смертъ прежней ложной жизни, а умирать никому не хочется. Прежде чѣмъ рѣшиться принять настоящее спасеніе, какъ свою собственную задачу, свой подвигъ, языческій міръ захотѣлъ попробовать легкаго дешеваго спасенія, спасенія мертвою вѣрою и дѣлами благочестія, ДѢЛАМИ, а не ДѢЛОМЪ. И притомъ дѣлами внѣшними; но настоящее христіанство есть прежде всего дѣло – дѣло жизни для человѣчества, а потомъ уже дѣла. Но дѣло трудно, а дѣла легки; а всего легче отвлеченная вѣра въ непонятные предметы, т.е. собственно словесное исповѣданіе такой вѣры. Съ этой стороны главнымъ образомъ и было принято христіанство.

Конечно, какъ нравственно-историческая задача, какъ общее дѣло человѣчества, христіанство не сознавалось ясно и опредѣленно и въ первые три вѣка, но все-таки оно было тогда дѣломъ жизни для всѣхъ: готовиться къ мученичеству, къ близкому концу міра – задача не легкая. Но вотъ мученичество совсѣмъ прекратилось, а конецъ міра сталъ все болѣе и болѣе удаляться на задній планъ. Ни умирать за Христа, ни готовиться къ встрѣчѣ Его второго пришествія не предстояло. И первое и второе Его явленіе, средоточіе и конецъ мірового процесса потерялъ

отвлеченной вѣры. А между этими раздвинувшимися предѣлами божественнаго прошедшаго и божественнаго будущаго настоящая человѣческая жизнь, которая должна была быть дѣятельнымъ продолженіемъ одного и дѣятельнымъ приготовленіемъ другого, осталась при своемъ матеріальномъ безсмысліи и при своей матеріальной косности. Сохранить эту языческую жизнь, какъ она была, и только помазать ее снаружи христіанствомъ — вотъ что въ сущности хотѣли тѣ псевдохристіане, которымъ не приходилось проливать свою кровь, но которые уже начали проливать чужую.

Сущность религіи въ томъ, что ея истина не отвлеченно-теоретическая, а утверждается, какъ НОРМА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, какъ ЗАКОНЪ ЖИЗНИ. Если я не на словахъ только, а въ самомъ дѣлѣ вѣрю, напр. въ троичность Божества, какъ въ религіозную истину, то я долженъ понимать и принимать ея нравственный жизненный смыслъ. Ибо всѣ наши догматы имѣютъ такой смыслъ и сначала онъ если и не ясно понимался, то живо чувствовался въ христіанскомъ мірѣ.

IV.

Я не стану излагать теперь свой взглядъ на жизненное значеніе основныхъ христіанскихъ истинъ, въ особенности истины о тріединствѣ Божества и о богочеловѣчности Христа. Этотъ мой взглядъ слишкомъ необыченъ и, изложенный въ двухъ словахъ, былъ бы непонятенъ. Но можно пояснить, въ чемъ сущность дѣла, сравненіемъ съ другою болѣе простою религіей. Ученіе Ислама довольно скудно содержаніемъ, но эта честная религія вполнѣ осуществляется въ жизни мусульманскаго міра. Представленіе о Богѣ, какъ единой ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СИЛѢ, весьма односторонне, но за то оно опредѣляетъ собою весь мусульманскій строй: единому деспоту на небѣ соотвѣтствуетъ единый деспотъ на землѣ. Теоретическому отрицанію свободы воли и вообще самостоятельности человѣческаго начала вполнѣ соотвѣтствуетъ фатализмъ и квіэтизмъ, какъ преобладающее жизненное настроеніе всѣхъ мусульманъ.

Христіанское ученіе, въ противоположность Исламу, заключаетъ въ себѣ ПОЛНУЮ ИСТИНУ. Но истина не только не осуществлена вполнѣ (что и невозможно до конца міра), но и самая

задача ея осуществленія отрицается мнимыми христіанами,- отрицается, значитъ, самый смыслъ христіанства. Смыслъ христіанства въ томъ, чтобы по истинамъ вѣры преобразовывать жизнь человѣчества. Это и значитъ оправдывать вѣру дѣлами. Но если эта жизнь была оставлена при своемъ старомъ языческомъ законѣ, если самая мысль о ея коренномъ преобразованіи и перерожденіи была устранена, то тѣмъ самымъ истины христіанской вѣры потеряли свой смыслъ и значеніе, какъ нормы дѣйствительности и законъ жизни, и остались при одномъ отвлеченно-теоретическомъ содержаніи. А такъ какъ это содержаніе мало кому понятно, то истины вѣры превратились въ обязательные догматы, т.е. въ условные знаки церковнаго единства и послушанія народа церковнымъ властямъ. Между тѣмъ нельзя же было отказаться отъ идеи, что христіанство есть РЕЛИГІЯ СПАСЕНІЯ. И вотъ отъ незаконнаго соединенія этой идеи спасенія съ церковнымъ догматизмомъ возникло чудовищное ученіе о томъ, что единственный путь спасенія есть вѣра въ догматы, что безъ этого спастись невозможно.

счастью еще кромѣ догматовъ сохранились, какъ нѣкій придатокъ къ нимъ,- ТАИНСТВА. Хоть истинный смыслъ ихъ и былъ частью забытъ, а частью не успѣлъ развиться, но этотъ существеннѣйшій элементъ христіанства имѣлъ во всякомъ случаѣ преимущество общедоступности. Самый ярый ревнитель православія не могъ требовать, чтобы грудной младенецъ правильно исповѣдывалъ догматъ о нераздѣльномъ и несліянномъ соединеніи естествъ, или анаѳематствовалъ Несторія и Евтихія. Съ младенца довольно было и крещенія. А если онъ умиралъ до крещенія? тогда нечего дѣлать - и для него конецъ - спасенья нѣтъ. Чувствительныя души выдумывали для такихъ младенцевъ разныя лимбы на паперти ада. Что касается до сознательно невѣрующихъ и еретиковъ, то ихъ, какъ извѣстно, къ вѣчнымъ адскимъ мукамъ заранѣе приготовляли посредствомъ мукъ временныхъ. И вотъ въ какой СТРАШНОЙ мѣрѣ осуществили преемники апостоловъ пророческое изреченіе Христа: "Не знаете, какого вы духа".

V.

Были же среди этого извращеннаго христіанства люди не замѣнившіе живой и животворящей истины мертвымъ и умертвляющимъ догматизмомъ, были люди, для которыхъ христіанство со-

тавалось дѣломъ жизни. Безъ такихъ истинныхъ христіанъ средневѣковой строй не продержался бы такъ долго и не обнаружилъ бы той духовной жизни, которую мы въ немъ дѣйствительно находимъ. Почему же они не спасли его и не переродили? Они не спасли и не могли спасти христіанскаго ОБЩЕСТВА, христіанскаго МІРА потому, что при всей своей праведности и святости ошибочно думали, что спасать можно и должно только отдѣльныя души. Они достигли, чего хотѣли: свои собственныя души спасли, а общество и міръ, отъ которыхъ они отдѣлились, отъ которыхъ бѣжали, остались внѣ ихъ дѣйствія и пошли своимъ путемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ истинно-христіанское общество первыхъ вѣковъ растворилось въ языческой средѣ и приняло ея характеръ, самая идея общественности исчезла изъ ума даже лучшихъ христіанъ. Всю публичную жизнь они предоставили властямъ церковнымъ и мірскимъ, а своею задачею поставили только ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СПАСЕНІЕ. Они имѣли тутъ, конечно, то извиненіе, что вѣдь и власти носили ХРИСТІАНСКОЕ званіе и, слѣдовательно, могли и должны были заботиться о христіанскомъ направленіи публичной жизни. Но дѣло въ томъ, что всякая власть прежде всего КОНСЕРВАТИВНА и кромѣ такихъ исключительныхъ явленій какъ напримѣръ Петръ Великій, не предпринимаетъ по собственному почину радикальныхъ преобразованій. Правительство все-таки есть порожденіе своего общества, органически съ нимъ связанное, и если общество греко-римской имперіи и романо-германской Европы имѣло преобладающій языческій характеръ, то государству не было никакого побужденія заботиться о христіанскомъ направленіи публичной жизни. Конечно, эта задача ближе къ власти церковной, но на Западѣ эта власть, поглощенная борьбою съ государствомъ за свои права, все болѣе и болѣе забывала о своихъ обязанностяхъ, а на Востокѣ она не имѣла самостоятельнаго положенія. Здѣсь на Востокѣ особенно рѣзко проявился контрастъ между ЯЗЫЧЕСТВОМЪ ГОРОДА и ХРИСТІАНСТВОМЪ ПУСТЫНИ. За единственнымъ исключеніемъ Іоанна Златоуста проповѣдь восточныхъ аскетовъ не имѣла въ виду никакихъ христіанскихъ преобразованій общественнаго строя. Во всей Византійской исторіи нельзя указать ни одного опредѣленнаго

требованія въ этомъ смыслѣ. Мудрено-ли, что государство и его законы оставались такими же языческими, какъ и общественные нравы. Мудрено-ли, что Кодексъ Юстиніана есть въ сущности, лишь подкрашенное христіанскими словами законодательство языческой римской имперіи? На Западѣ было нѣсколько лучше. Были яркіе примѣры стремленій къ соціально-нравственному христіанству, начиная отъ принципіальнаго протеста св. Мартина Турскаго и св. Амвросія Миланскаго - противъ смертной казни[1] и кончая дѣятельностью Григорія VII. Но вообще и здѣсь дѣйствіе церковной власти въ этомъ направленіи не было достаточно сильно и успѣшно и не могло перевѣсить дѣйствія тѣхъ примѣровъ, которые давались тою же властью въ противоположномъ смыслѣ.

VI.

Ограничивая дѣло спасенія одною личною жизнью псевдохристіанскій индивидуализмъ долженъ былъ отречься не только отъ міра въ тѣсномъ смыслѣ - отъ общества, публичной жизни, но и отъ міра въ широкомъ смыслѣ, отъ всей матеріальной природы. Въ этомъ своемъ одностороннемъ спиритуализмѣ средневѣковое міросозерцаніе вступило въ прямое противорѣчіе съ самою основою христіанства. Христіанство есть РЕЛИГІЯ ВОПЛОЩЕНІЯ БОЖІЯ И ВОСКРЕСЕНІЯ ПЛОТИ. А ее превратили въ какой-то восточный дуализмъ, отрицающій матеріальную природу, какъ злое начало. Но злымъ началомъ сама по себѣ матеріальная природа быть не можетъ: она пассивна и инертна - это женственный элементъ, принимающій то или другое духовное начало. Христосъ выгналъ изъ Маріи Магдалины 7 бѣсовъ и одушевилъ ее Своимъ духомъ. Когда же мнимые христіане отлучили отъ духа Христова матеріальную природу, эту всемірную Магдалину - въ нее естественно вселились злые духи. Я разумѣю чрезвычайное развитіе черной магіи и всякой чертовщины къ концу среднихъ вѣковъ и въ началѣ новыхъ. Духи были вызваны, но заклинанія не дѣйствовали. Представители псевдохристіанства, отчасти сами уподоблялись вѣрующимъ бѣсамъ въ своемъ догматизмѣ, а отчасти въ своемъ ложномъ спиритуализмѣ утративши дѣйствительную силу духа, не могли подражать Христу и апостоламъ и прибѣгли къ обратному при-

[1] По поводу вождей присцилліанской секты, казненныхъ импе-

ему. Тѣ изгоняли бѣсовъ для исцѣленія одержимыхъ, а эти для изгнанія бѣсовъ стали умерщвлять одержимыхъ.

VII.

Въ то время какъ мнимые христіане отреклись и отрекаются отъ Духа Христова въ своемъ исключительномъ догматизмѣ, односторонномъ индивидуализмѣ и ложномъ спиритуализмѣ, въ то время какъ они теряли и теряютъ его въ своей жизни и дѣятельности - куда же скрылся самъ этотъ духъ? Я не говорю про Его мистическое присутствіе въ Таинствахъ Церкви, ни про его индивидуальное дѣйствіе на избранныя души. Неужели человѣчество въ ЦѢЛОМЪ и его исторія покинуты духомъ Христовымъ? Откуда же тогда весь соціально-нравственный и умственный прогрессъ послѣднихъ вѣковъ?

Большинство людей, производящихъ и производившихъ этотъ прогрессъ, не признаютъ себя христіанами. Но если христіане по имени измѣняли дѣлу Христову и чуть не погубили его, если бы только оно могло погибнуть, то отчего же НЕ ХРИСТІАНЕ ПО ИМЕНИ, СЛОВАМИ, ОТРЕКАЮЩІЕСЯ ОТЪ ХРИСТА, НЕ МОГУТЪ ПОСЛУЖИТЬ ДѢЛУ ХРИСТОВУ? Въ Евангеліи мы читаемъ о двухъ сынахъ; одинъ сказалъ: пойду - и не пошелъ, другой сказалъ: не пойду и пошелъ. Который изъ двухъ, спрашиваетъ Христосъ, сотворилъ волю Отца? Нельзя же отрицать того факта, что соціальный прогрессъ послѣднихъ вѣковъ совершился въ духѣ человѣколюбія и справедливости, т.е. въ духѣ Христовомъ. Уничтоженіе пытки и жестокихъ казней, прекращеніе, по крайней мѣрѣ на Западѣ, всякихъ гоненій на иновѣрцевъ и еретиковъ, уничтоженіе феодальнаго и крѣпостного рабства - если всѣ эти христіанскія преобразованія были сдѣланы невѣрующими, то тѣмъ хуже для вѣрующихъ.

Тѣ, которые ужаснутся этой мысли, что духъ Христовъ дѣйствуетъ черезъ невѣрующихъ въ Него, будутъ неправы даже съ своей догматической точки зрѣнія. Когда невѣрующій священникъ правильно совершитъ обѣдню, то Христосъ присутствуетъ въ таинствѣ ради людей, въ немъ нуждающихся, несмотря на невѣріе и недостоинство совершителя. Если духъ Христовъ можетъ дѣйствовать черезъ невѣрующаго священнослужителя въ церковномъ таинствѣ, почему же онъ не можетъ дѣйствовать въ исторіи черезъ невѣрующаго дѣятеля, особенно когда вѣрующіе изгоняютъ его? Духъ дышетъ гдѣ хочетъ. Пусть даже

враги служатъ ему. Христосъ, намъ заповѣдавшій любить враговъ, конечно, самъ не только можетъ любить ихъ, но и умѣетъ пользоваться ими для своего дѣла. А номинальнымъ христіанамъ, гордящимся своею бѣсовскою вѣрою, слѣдовало бы вспомнить еще кое-что изъ Евангелія - исторію двухъ апостоловъ: Іуды Искаріота и Ѳомы. Іуда словомъ и лобзаніемъ привѣтствовалъ Христа. Ѳома въ лицо заявилъ ему свое невѣріе. Но Іуда предалъ Христа и "пошелъ удавился", а Ѳома остался апостоломъ и умеръ за Христа.

Невѣрующіе двигатели новѣйшаго прогресса дѣйствовали въ пользу истиннаго христіанства, подрывая ложное средневѣковое міровоззрѣніе съ его антихристіанскимъ догматизмомъ, индивидуализмомъ и спиритуализмомъ. Христа они не могли обидѣть своимъ невѣріемъ, но они обидѣли ту самую матеріальную природу, во имя которой многіе изъ нихъ дѣйствовали. Противъ лжехристіанскаго спиритуализма, видящаго въ этой природѣ злое начало, они выставили другой столь же ложный взглядъ, видящій въ ней одно мертвое вещество, бездушную машину. И вотъ какъ бы обиженная этой двойной ложью земная природа отказывается кормить человѣчество. Вотъ общая опасность, которая должна соединить и вѣрующихъ и невѣрующихъ. И тѣмъ и другимъ пора признать и осуществить свою солидарность съ матерью землею, спасти ее отъ омертвѣнія, чтобы и себя спасти отъ смерти. Но какая же можетъ быть у насъ солидарность съ землею, какое нравственное отношеніе къ ней, когда у насъ нѣтъ этой солидарности, этого нравственнаго отношенія даже между собою? Невѣрующіе прогрессисты стараются - худо-ли, хорошо-ли - создать такую солидарность и кое-что уже сдѣлали. Именующіе себя христіанами не вѣрятъ въ успѣхъ ихъ дѣла, злобно порицаютъ ихъ усилія, противятся имъ. Порицать и мѣшать другимъ легко. Попробуйте сами сдѣлать лучше, создать христіанство живое, соціальное, вселенское. Если мы не по имену только, а на дѣлѣ христіане, то отъ насъ зависитъ [illegible], чтобы воскресъ Христосъ въ своемъ человѣчествѣ. Тогда и историческій Ѳома приложитъ руку свою къ этому дѣйствительно во плоти воскресшему христіанству и съ радостью воскликнетъ: „Господь мой и Богъ мой."

ПОЛОЖЕНІЯ

къ чтенію ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА въ Психологическомъ обществѣ О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА СРЕДНЕВѢКОВАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

1. Средневѣковое міросозерцаніе и связанный съ нимъ строй жизни, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, представляютъ собою историческій компромиссъ между христіанствомъ и язычествомъ и имѣютъ характеръ двоевѣрія или полувѣрія. Этотъ компромиссъ ошибочно принимается за само христіанство какъ его противниками, такъ и защитниками.

2. Въ средневѣковомъ міросозерцаніи и жизненномъ строѣ новое духовное начало не овладѣло старымъ языческимъ; они утвердились во внѣшнемъ сопоставленіи, и само христіанство вообще и въ цѣломъ - было принято какъ внѣшній фактъ, а не какъ задача, разрѣшаемая собственною нравственно-исторической дѣятельностью человѣчества. Въ происходящихъ отсюда противорѣчіяхъ заключаются коренныя причины упадка средневѣкового міросозерцанія.

3. Вслѣдствіе узаконенія языческихъ элементовъ въ жизни истина христіанской вѣры перестала быть нормою дѣйствительности, превратилась въ отвлеченный теоретическій догматъ, и христіанству былъ приданъ несвойственный ему характеръ односторонняго и нетерпимаго ДОГМАТИЗМА.

4. Господство языческихъ началъ въ публичной жизни подавило христіанскую общественность, замкнуло религіозно-нравственныя силы и задачи въ тѣсныхъ предѣлахъ индивидуальнаго душеспасенія и придало средневѣковому христіанству характеръ односторонняго эгоистическаго ИНДИВИДУАЛИЗМА.

5. Ограниченное областью теоретической вѣры и субъективной нравственности духовное начало стало чуждымъ реальной природѣ человѣка и міра, потеряло надъ нею всякую власть, и такимъ образомъ средневѣковое христіанство получило характеръ односторонняго и безсильнаго СПИРИТУАЛИЗМА.

6. Три указанныя болѣзни - исключительный догматизмъ, односторонній индивидуализмъ и ложный спиритуализмъ - внутренно подорвали средневѣковое міросозерцаніе и вызвали по необходимости и по справедливости критическое разлагающее движеніе

мысли и жизни.

7. Съ общеисторической точки зрѣнія критическое движеніе послѣднихъ вѣковъ ведетъ къ обнаруженію и торжеству истиннаго христіанства – живого, общественнаго и универсальнаго,– не отрицающаго, а перерождающаго человѣческую и природную жизнь.

ПРЕНІЯ ПО РЕФЕРАТУ.

АСТАФЬЕВЪ. Вы упомянули въ рефератѣ, что магометанство послѣдовательно проводитъ свои догматы въ соціальную жизнь единому Богу на небѣ соотвѣтствуетъ единый владыка на землѣ. Если, какъ вы думаете, подобное же послѣдовательное проведеніе религіозныхъ началъ въ соціальную жизнь должно имѣть мѣсто и въ христіанствѣ, то какъ, напр., осуществимъ въ государствѣ догматъ Св. Троицы? Не будетъ-ли значить этотъ догматъ въ своемъ осуществленіи раздѣленія властей? Во время перерыва засѣданія кто-то высказалъ это предположеніе.

СОЛОВЬЕВЪ. Разумѣется, нѣтъ. Вамъ, вѣроятно, сказали это въ шутку.

АСТАФЬЕВЪ. Я съ большимъ интересомъ выслушалъ вашъ рефератъ, отличающійся такимъ же мастерствомъ, какъ и все, что вы пишете. Очень возможно, что я не понялъ васъ, но я вынесъ изъ него нѣсколько недоумѣній относительно понятій, повидимому, простыхъ и ясныхъ. До сихъ поръ я думалъ, что задача и значеніе религіи гораздо шире нравственно-соціальной задачи. До сихъ поръ я считалъ религію за возсоединеніе двухъ міровъ, двухъ жизней,- жизни земной и жизни трансцендентной. Я думалъ, что для человѣка важно сохранять это различіе. Въ религіи, конечно, слѣдуетъ видѣть высшую инстанцію и для закона жизни, но никакъ нельзя сказать, что царство мірское должно обратиться въ царство Божіе. Въ самомъ существѣ религіи указано, что выше всего - личное душеспасеніе.

СОЛОВЬЕВЪ. Дѣйствительно, ваше возраженіе основано на недоразумѣніи. Я вполнѣ признаю трансцендентную сторону религіи, но говорилъ не объ ней. Поясню это сравненіемъ. Если-бы я сказалъ, что человѣкъ долженъ быть правдивымъ и честнымъ, то изъ этого никакъ не слѣдовало бы, что я отрицаю метафизическую сущность человѣка, безсмертіе души и т. п.

АСТАФЬЕВЪ. Для религіи высшее значеніе имѣетъ отношеніе личнаго духа къ трансцендентному, и это не только узаконяетъ въ религіозной жизни чуждые всякой практической осуществимости элементы СОЗЕРЦАТЕЛЬНЫЙ и МИСТИЧЕСКІЙ, но и ставитъ ихъ несравненно выше всякой общественной или личной

практически-нравственной, житейской задачи. Съ этой точки зрѣнія совершенно необходимы осуждаемые вами въ тезисахъ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ, какъ болѣзни и односторонности, догматизмъ, личное душеспасеніе и спиритуализмъ.

СОЛОВЬЕВЪ. Христіанское человѣчество должно на дѣлѣ оправдать свою вѣру; его задача -задача мистическая: воссоединеніе двухъ жизней, земной и небесной Задача эта включаетъ въ себѣ обновленіе человѣческаго общества и всей земной природы. Конечно, высшія начала религіи принадлежатъ къ трансцендентной области, но оправдывать равнодушіе къ ближнимъ во имя исключительно личнаго душеспасенія есть, по моему, мошенничество и обманъ.

АСТАФЬЕВЪ. Если сущность религіи - въ воссоединеніи двухъ жизней, земной и небесной, то главная задача христіанина - личное душеспасеніе.

СОЛОВЬЕВЪ. Земная жизнь дана, чтобы мы готовились къ другой высшей жизни настоящимъ дѣломъ, а это возможно только въ обществѣ.

АСТАФЬЕВЪ. Неужели вы думаете, что настоящее дѣло исполняется тѣми, кто открещивается отъ вѣры?

СОЛОВЬЕВЪ. А по вашему въ инквизиціи духъ христіанства?

АСТАФЬЕВЪ. А я на это вамъ замѣчу, что, какъ сказалъ великій политическій мыслитель Лоренцъ фонъ-Штейнъ, всѣ эти соціальныя движенія и реформы есть одна мерзость и пакость.

КН. ЦЕРТЕЛЕВЪ. На этой почвѣ споръ невозможенъ. Нельзя отождествлять задачи государства и религіи и подчинять первыя вторымъ; онѣ могутъ соприкасаться, но не сливаться. Римское право, начала котораго примѣняются къ современной жизни и отвѣчаютъ нашимъ понятіямъ о справедливости, выработалось внѣ вліянія христіанства. Говорить о христіанскомъ правѣ то же, что говорить о христіанской медицинѣ. Право покоится на идеѣ справедливости, а христіанская жизнь основывается на заповѣди любви.

СОЛОВЬЕВЪ. Въ римскомъ правѣ былъ, несомнѣнно, элементъ справедливости но въ немъ было много и не справедливаго: римляне не понимали, напр. что несправедлива безусловная власть отца надъ женою и дѣтьми. Въ этомъ сказался у нихъ недостатокъ этическихъ понятій. Кромѣ того, между справедливостью и любовью нѣтъ противоположности. Справедливость есть объективная форма субъективнаго чувства любви: кого я

истинно люблю, къ тому не могу быть несправедливымъ.

БУГАЕВЪ. Какъ вы объясняете съ своей точки зрѣнія слова Спасителя: воздавайте кесарево кесареви, а Божіе богови Не слѣдуетъ-ли тутъ видѣть разграниченіе обязанностей религіозныхъ отъ государственныхъ задачъ?

СОЛОВЬЕВЪ. Во первыхъ Христосъ не сказалъ въ приведенномъ текстѣ, что воздавать кесарю и что - Богу, и, слѣдовательно опираться на этотъ текстъ противъ меня нельзя. Во-вторыхъ Христосъ говорилъ о кесарѣ языческомъ, интересы котораго не совпадали съ интересами христіанства. Поэтому къ жизни христіанскаго государства эти слова едва-ли можно отнесить

БУГАЕВЪ. Сущность христіанства состоитъ въ требованіи отъ человѣка стремиться всѣми своими душевными силами къ безконечному совершенствованію себя и другихъ. Это совершенствованіе должно выразиться нашею солидарностью не только со всѣмъ человѣчествомъ, но и со всею природою. Въ природѣ человѣка лежитъ потребность, и возможность такого совершенствованія. Кромѣ того любовь христіанская не исключаетъ справедливости: она не есть слѣпое чувство, а должна сопровождаться мудростію (будьте мудры аки зміи и незлобивы аки голуби

СОЛОВЬЕВЪ. Я вполнѣ съ этимъ согласенъ и не вижу тутъ никакого возраженія противъ сказаннаго мною.

ЗВѢРЕВЪ. Я нахожу невѣрнымъ утвержденіе докладчика, что представители христіанства, за немногими исключеніями (Іоанна Златоуста, Амвросія Медіоланскаго и Мартина Турскаго, не стремились къ проведенію христіанскихъ началъ въ соціальную жизнь. Начиная съ бл. Августина вплоть до реформаціи тянется длинная вереница христіанскихъ писателей, работавшихъ надъ идеею христіанскаго государства и создавшихъ обширную литературу. Параллельно тому, въ жизни происходитъ борьба между свѣтскою и духовною властью, императорами и папами, которая сводится къ проведенію христіанскихъ началъ въ политическую жизнь, если смотрѣть на эту борьбу съ точки зрѣнія притязаній духовной власти.

СОЛОВЬЕВЪ. Литература, о которой вы говорили, мнѣ хорошо

извѣстна. и этой темы мнѣ приходилось касаться на двухъ языкахъ. Я и сегодня имѣлъ въ виду затронуть эту сторону дѣла но не успѣлъ за недостаткомъ времени. Во всякомъ случаѣ, съ моей точки зрѣнія, борьба церкви съ государствомъ за первенство не есть еще сама по себѣ проведеніе христіанскихъ началъ въ соціально-политическую жизнь, и въ результатѣ того движенія, о которомъ вы говорите, никакого соціально-нравственнаго прогресса не оказалось.

ЗВѢРЕВЪ. Въ вопросѣ о вліяніи христіанскихъ началъ на соціальную жизнь лѣдуетъ отличать область частныхъ отношеній между людьми отъ области собственно государственной. Въ частныхъ отношеніяхъ между отдѣльными лицами христіанскія начала могутъ обнаруживать свое дѣйствіе лишь посредственно, поскольку они перерождаютъ человѣка и побуждаютъ его оставаться вѣрнымъ евангельскимъ завѣтамъ въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Они остаются здѣсь всегда на степени нравственныхъ началъ, которымъ человѣкъ повинуется свободно, по внутреннему убѣжденію. Придавать имъ иное значеніе, снабжать ихъ принудительною силой, облекать въ форму юридическихъ нормъ,- значило бы исказить ихъ внутреннюю природу, лишить ихъ этическаго характера, внести внѣшнее принужденіе и власть туда, гдѣ все должно опредѣляться внутреннею свободою человѣка; а между тѣмъ только въ этомъ и могло бы заключаться прямое примѣненіе христіанскихъ началъ къ частнымъ отношеніямъ. Точно такъ же въ области государственной христіанскія начала могутъ рѣшительнымъ образомъ преобразовать соціальный строй, но не прямымъ вліяніемъ на формы этого строя, а косвеннымъ - черезъ представителей власти, руководящихся въ своей публичной дѣятельности евангельскими предписаніями. Прямое же и непосредственное приложеніе христіанскихъ началъ къ соціальному строю не можетъ вызвать здѣсь ничего другого, кромѣ стараго вопроса объ отношеніи духовной власти къ свѣтской и старыхъ попытокъ водворенія теократическаго порядка, отъ котораго реформація избавила европейскій міръ.

СОЛОВЬЕВЪ. Общественные дѣятели могутъ, конечно, въ своей дѣятельности руководиться христіанскими началами. Но есть еще пассивная масса, и для нея является необходимость въ такомъ соціальномъ строѣ, который былъ бы проникнутъ истинно-христіанскимъ духомъ. Эту мысль я высказалъ въ своей статьѣ

Изъ философіи исторіи

ГРИНГМУТЪ. Первые шесть тезисовъ вашего реферата имѣютъ характеръ критическій. Только въ седьмомъ замѣчаются ваши положительные взгляды, и онъ какъ разъ остался неразвитымъ. Поэтому я хотѣлъ бы спросить васъ, какъ христіанство будетъ перерождать природную жизнь. Другой вопросъ, который я хотѣлъ бы предложить вамъ касается затронутаго вами догмата Св. Троицы: въ чемъ вы видите соціально-нравственное значеніе этого догмата?

СОЛОВЬЕВЪ. Седьмого тезиса въ своемъ рефератѣ я не успѣлъ развить. Отвѣтить на ваши вопросы въ краткихъ словахъ довольно трудно съ полной ясностью. Троица есть абсолютный типъ нравственной солидарности, не исключающій, а заключающій въ себѣ, выражаясь языкомъ Гегеля, свое другое, въ противоположность исключительно единоличному Богу мусульманства. Такимъ образомъ, догматъ Троицы даетъ общій принципъ для жизни человѣчества,- именно начало солидарности. Болѣе опредѣленныя слѣдствія могутъ быть выведены изъ христологическаго догмата. Несторій училъ, что въ Христѣ божественная и человѣческая природа раздѣлены и находятся лишь во внѣшнемъ отношеніи между собой, а Евтихій, напротивъ, утверждалъ, что человѣческое естество поглощено божественнымъ. Оба эти ученія были справедливо осуждены церковью, и опредѣлено истинно-христіанское ученіе, по которому оба естества находятся между собою въ гармоническомъ сочетаніи, безъ раздѣленія и безъ смѣшенія. Отсюда для общей жизни христіанскаго человѣчества, какъ тѣла Христова, слѣдуетъ, что и въ немъ божественное единство - церковь, и человѣческое единство,- государство, не должны быть ни раздѣлены и внѣшни другъ другу, ни смѣшаны между собою, а должны находиться въ гармоническомъ взаимодѣйствіи. -Что же касается перерожденія природной жизни христіанствомъ, то я считаю природу живымъ существомъ и допускаю душу міра. Но развивать эту мысль подробно я не имѣю возможности.

ГОЛЬЦЕВЪ. Докладчикъ слишкомъ односторонне смотритъ на языческія начала. Язычество выработало много хорошихъ началъ, и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ умалять заслугъ римскихъ юристовъ. Кромѣ того, едва ли основательно утвержденіе докладчика въ 4-мъ тезисѣ: Грецію и Римъ нельзя упрекнуть въ

господствѣ индивидуализма. Тамъ государство поглощало личность.

СОЛОВЬЕВЪ. Я не оспариваю справедливости этихъ замѣчаній не въ своемъ рефератѣ я имѣлъ въ виду не языческія начала а христіанскія.

КН. ТРУБЕЦКОЙ. Я согласенъ съ вами въ пониманіи "Евангелія царствія" но не могу согласиться въ другомъ. Средневѣковую теократію можно упрекнуть въ чемъ угодно, но только не въ индивидуализмѣ. Изъ религіознаго же индивидуализма, развившагося лишь впослѣдствіи въ протестантствѣ, именно и вышелъ положительный протестъ противъ языческихъ началъ, господствовавшихъ въ средневѣковой теократіи.

СОЛОВЬЕВЪ. Настроеніе католической теократіи мнѣ знакомо и по личнымъ сношеніямъ съ представителями католической церкви, и, не смотря на принципъ единства, я всетаки замѣчалъ въ ней на первомъ планѣ стремленіе къ личному душеспасенію.

АНУЧИНЪ. Христіанское начало не могло овладѣть старымъ языческимъ потому, что даже въ европейскомъ человѣчествѣ, и не только въ средніе вѣка но и въ настоящее время, продолжаютъ жить рядомъ съ христіанскими, воззрѣнія предшествовавшихъ эпохъ развитія до первобытной включительно. Эти воззрѣнія не только раздѣляются народными массами, но не исчезли и въ средѣ болѣе образованнаго общества, обстоятельство являющееся существеннымъ тормазомъ для торжества истинно-христіанскихъ началъ. Съ другой стороны, едва-ли можно допустить, чтобы критическое движеніе послѣднихъ вѣковъ способно было повести "къ обнаруженію и торжеству истиннаго христіанства". Исторія показываетъ, что когда возникла мысль о религіозномъ возрожденіи, т.е. о возвращеніи къ начальнымъ очищеннымъ отъ послѣдующихъ наслоеній, религіознымъ принципамъ и формамъ, но такое движеніе заканчивалось не возвращеніемъ къ старому, а утвержденіемъ новаго видоизмѣненія религіи.

СОЛОВЬЕВЪ. Я вѣдь и говорилъ о процессѣ перерожденія человѣчества христіанствомъ, и понятно, что, когда этотъ процессъ совершится, само христіанство явится въ новомъ свѣтѣ.

ГОВОРУХА-ОТРОКЪ. Я нашелъ въ вашемъ рефератѣ отвѣты на различныя возраженія и замѣчанія, которыя я дѣлалъ въ своихъ статьяхъ. Быть можетъ это случайное совпаденіе, но во вся-

---

Е. НИКОЛАЕВЪ, фельетонистъ Московскихъ Вѣдомостей.

комъ случаѣ ваши отвѣты меня не удовлетворили. Вы утверждаете въ своемъ рефератѣ, что невѣрующіе общественные дѣятели и суть истинные христіане.

СОЛОВЬЕВЪ. Я этого не говорилъ. Я говорилъ, что духъ Христовъ можетъ дѣйствовать и черезъ невѣрующихъ. Будучи невѣрующими они могутъ дѣлать дѣло Христово.

ГОВОРУХА-ОТРОКЪ. Истинное дѣло Христово непремѣнно требуетъ для своего совершенія и христіанскаго настроенія и вѣру въ божественность Христа. Какъ же можетъ невѣрующій дѣлать дѣло Христово, отрицая Христа!

СОЛОВЬЕВЪ. А какъ же васъ можетъ причастить невѣрующій священникъ? Если черезъ невѣрующаго можетъ совершаться таинство, то значитъ можетъ совершаться черезъ него и другое дѣло Христово.

ГОВОРУХА-ОТРОКЪ. Въ такомъ случаѣ вы утверждаете возможность какого-то христіанства безъ христіанъ

СОЛОВЬЕВЪ. Тутъ дѣло не въ какихъ-нибудь отвлеченныхъ разсужденіяхъ, а въ историческихъ фактахъ. Возьмите исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ. Кто, напримѣръ, отмѣнилъ феодальное рабство, что было истинно-христіанскимъ дѣломъ? -Революціонеры, которые воспитывались не на Евангеліи, а на Руссо. Прочтите исторію французской революціи. А кто дѣйствовалъ у насъ при освобожденіи крестьянъ? Митрополитъ Филаретъ не сочувствовалъ великой реформѣ и только послѣ ея совершенія измѣнилъ свой взглядъ. Кто далѣе отмѣнилъ инквизицію, которая была введена церковью.

ГОВОРУХА-ОТРОКЪ. Да, церковью, но только католическою.

СОЛОВЬЕВЪ. Что вы? Первое инквизиціонное судилище было учреждено при Феодосіи, а при Феодорѣ избито сто тысячъ павликіанъ. Возьмите учебники, послѣднее религіозное сожженіе было у насъ въ Петербургѣ

ГОВОРУХА-ОТРОКЪ. Я говорю объ инквизиціи, какъ учрежденіи а вы указываете мнѣ на спорадическія церковныя гоненія, бывшія и на Востокѣ.

СОЛОВЬЕВЪ. Спорадическія церковныя гоненія на Востокѣ имѣли ту же сущность, какъ и инквизиція на Западѣ.

чемъ же споръ?

БУГАЕВЪ. Я думаю, что попытки дѣлить общество на христіанъ

и нехристіанъ, даже въ виду собственныхъ признаній членовъ общества совершенно неосновательны. Всѣ мы христіане по воспитанію и дѣйствуемъ подъ вліяніемъ началъ, усвоенныхъ въ христіанской средѣ.

СОЛОВЬЕВЪ. въ сущности это и была моя мысль.

ГРОТЪ. По поводу возникшаго спора о томъ, какіе христіане совершали общественныя преобразованія въ духѣ христіанства, я позволю себѣ въ заключеніе замѣтить что докладчикъ не указалъ на категорію христіанъ, которые не придавая большого значенія буквѣ догматовъ той или другой церкви тѣмъ не менѣе сознательно исповѣдуютъ нравственное ученіе Христа и кладутъ его въ основу своей личной и общественной дѣятельности.
